ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ОКОНЧАНИЕ МАЛОРОССИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ «СОРОК ЛЕТ»

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 26

Лев Николаевич Толстой

Полное собрание сочинений. Том 26. Произведения 1885–1889 гг. Окончание малороссийской легенды «Сорок лет»

Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880237

Содержание

Лев Николаевич 4
Предисловие к электронному изданию 6
[ОКОНЧАНИЕ «МАЛОРОССИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ» «СОРОК ЛЕТ», ИЗДАННОЙ КОСТОМАРОВЫМ В 1881 г.] 9
Комментарии Н. К. Гудзия1 16
ОКОНЧАНИЕ МАЛОРОССИИСКОЙ ЛЕГЕНДЫ «СОРОК ЛЕТ». 16
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ. 41
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ. 43
Иллюстрации 47

Лев Николаевич Толстой
Окончание малороссийской легенды «Сорок лет», изданной Костомаровым в 1881 г.

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1936

Электронное издание осуществлено компаниями ABBYY и WEXLER в рамках краудсорсингового проекта «Весь Толстой в один клик»
Организаторы проекта:
Государственный музей Л. Н. Толстого
Музей-усадьба «Ясная Поляна»
Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 26-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной Российской государственной библиотекой

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

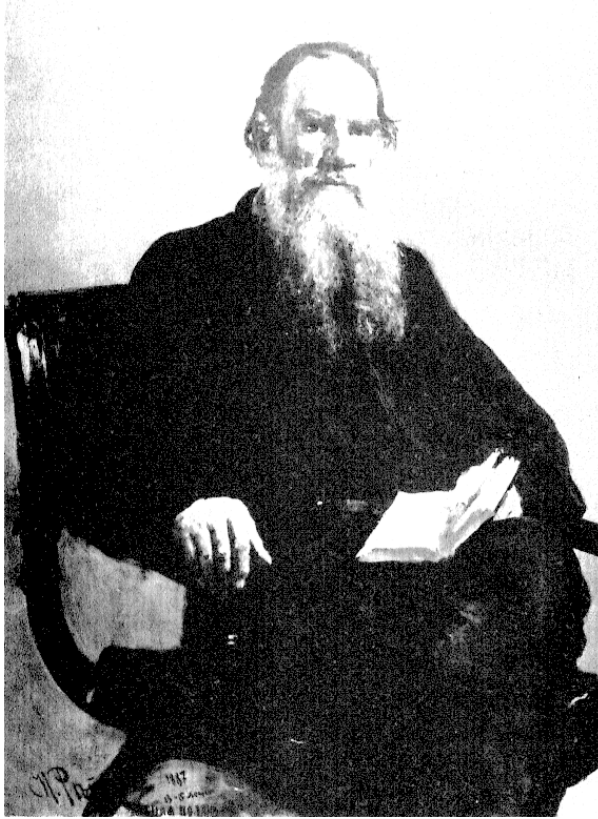
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.
–
Reproduction libre pour tous les pays.



Л. Н. ТОЛСТОЙ.
1887 г.
Портрет работы И. Е. Репина.

[ОКОНЧАНИЕ «МАЛОРОССИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ» «СОРОК ЛЕТ», ИЗДАННОЙ КОСТОМАРОВЫМ В 1881 г.]

В эту же первую ночь, с 12-го на 13-е августа, когда он (убийца), после разговора с сыном, лег один спать в своей комнате, началось его наказание.

«Нет Бога, нет души, нет наказания! Как хорошо, как покойно! И как много и долго я понапрасну мучал себя. Все боремся друг с другом, все губим друг друга, чтобы жить, как это сказал Александр. Борьба за существование: вот закон! И другого нет. И мне Бог дал быть победителем. Бог дал! Всё остается эта глупая привычка. Не Бог какой-то дал, а я сумел быть победителем; вот мне и хорошо. И всякий борись; а кто поборол, пользуйся своей победой. Я поборол и пользуюсь. Хорошо было мне жить, только воспоминание отравляло; теперь же будет еще лучше, совсем хорошо. Я понимаю, что им завидно (он вспомнил слова схимника). Им завидно: каждому хочется. А хочется, так борись. Сам борись, а не жди, чтобы тебе дали. Вот и Александр…»

Он вспомнил, как Александр говорил ему на-днях, что по-

ложенных ему двадцати тысяч в год мало. Он просил прибавить ему еще десять тысяч, и, когда он отказал, он был недоволен.

«Положим, он рассчитывает иметь всё, когда я умру…»

И вдруг Трофиму Семеновичу очень ясно пришло в голову, что сын должен желать его смерти.

«Борись, чтобы быть победителем. Я боролся – убил купца; мне нужна была его смерть, и я взял его жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть нужна?»

Он остановился и привстал в ужасе на постели.

«Чья смерть? – Моя! – Да, я стою ему на дороге. Сколько бы я ни давал ему, ему лучше, чтобы я умер, и он был бы хозяином».

И Трофим стал вспоминать взгляды и слова сына, и во всем он видел то, что сын желает его смерти. И не может не желать.

«А если желает и он – образованный человек без суеверий, так он должен меня убить. Положим, он не захочет погубить себя. Но есть яд!»

И вдруг ему вспомнился разговор сына о старинных ядах, таких, которые убивают так, что следов нельзя найти.

«А если у него будет этот яд, то как же он не даст его мне? Он должен дать!»

«Он говорил уже, что я запускаю дела, он говорил, что можно сделать больше. Да, стакан чаю – и готово! Подкупить людей, повара, они все продажны».

Он стал вспоминать своего камердинера-щеголя.

«Этому дай тысячу рублей – и готово, да и повару тоже».

Трофим взволновался, думая это, и, чтобы успокоиться, хотел выпить стакан сахарной воды, стоявший на столике у его кровати. Он взял в руку стакан: на дне было что-то белое. «Кто знает, что это? – Нет, не обманешь!» сказал он и вылил воду; затем пошел к рукомойнику и выпил воды оттуда. «Да, борьба всех против всех. А бороться, так не зевать: буду осторожнее. Буду пить и есть то, что будет есть жена… Да и она тоже. Она знает, что ей пойдет седьмая часть. А ее бедные родные давно требуют от нее. Да, война, так война! Надо так поставить себя, чтобы им не было выгоды в моей смерти. Надо написать завещание такое, которое лишило бы их всего, чтобы смерть моя была невыгодна им. Да, завтра сделаю это и объявлю им».

Он хотел заснуть, но мысли не давали ему спать. Он стал сочинять завещание. Надел халат и туфли, подошел к столу и стал писать начерно завещание, в котором он отдавал всё состояние на богоугодные заведения. Окончив это, он хотел лечь; но тут пришла ему мысль о лакее, о дворнике. Он сам переносился в душу лакея и говорил себе: «что, если бы я был бедняк-лакей и получал бы 15 руб. жалованья в месяц, и за пять комнат от меня спал бы богач с деньгами, и я бы твердо знал, как я знаю теперь, что нет Бога, нет и суда. Что я сделал бы? Я сделал бы, что я сделал с купцом». И на Трофима нашел страх; он опять встал и стал запирать свою дверь,

но задвижка не держала, и он, задвинув дверь креслом, привязал его полотенцем к ручке и на кресло поставил кресло, чтобы оно загремело. Только тогда он затушил свечу и проспал так долго, что жена обеспокоилась и пошла отворить дверь. Кресла упали и загремели. Трофим вскочил испуганный, бледный.

«Кто? что? караул!» даже закричал он и долго не мог опомниться. Ему при пробуждении показалось, что его пришли убивать. Когда он опомнился, то сказал, что он из осторожности загородил, и постарался скрыть свой страх; но сколько он ни старался, с этого дня и домашние и прислуга стали замечать в нем большую перемену. Прежде он бывал весел, бывал и сердит, бывал ласков и добр, бывал и уныл, когда думал о своем грехе. Прежде он одних не любил, других любил, особенно детей – внуков. Теперь же он всегда был одинаков, всегда был молчалив, осторожен, на всех смотрел подозрительно и со всеми, даже с детьми, был одинаково холоден. Завещание сделалось для него главным занятием с этого времени. Долго не мог он сделать такого, какое ему хотелось сделать. Все приказные, которые приезжали к нему за этим делом, не могли угодить ему. Он писал, и переписывал, и переменял. В пище он также стал особенно требователен. Иногда самые вкусные и любимые его кушанья он оставлял, не отведав их, часто отказывался от обеда и приходил в середине стола и брал у сына или дочери или жены начатую тарелку и тогда только ел. Вино он сам покупал особо и держал

в своей комнате в шкапу. Делами он стал заниматься меньше; но когда и занимался, всегда скрывал от домашних свои барыши и сколько он получает. Деньги, которые доставляли ему прежде столько радости, теперь только мучали его. Он старался уберечь их от других и чувствовал, что уберечь их нельзя против таких людей без Бога, каким он сам был. Он чувствовал, что если все узнают то, что он знал и что знает его сын, что Бога и суда нет, то тогда никакие силы не сохранят его. Его убьют, отравят, отнимут состояние обманом или силой. Одно было спасение: не показывать людям того, что он знает, что нет Бога и суда, а, напротив, внушать им, что есть Бог, что есть суд. И потому еще последняя перемена, которая сделалась с Трофимом после 12-го августа, была та, что он стал особенно набожен, таким, каким еще не был во всю свою жизнь. Он не пропускал ни одной службы, постился все посты, середы и пятницы, не пропускал никогда случая внушать своим семейным, и своим знакомым, и своей прислуге, что есть Бог и его закон и что те, которые не будут соблюдать его, погибнут и будут жестоко наказаны в будущей жизни. Он внушал это даже своему сыну, делая вид, что, забыл всё, что говорил с ним, или что раскаивался в этом.

С самого того срока, 12-го августа, когда он уверился в том, что ему бояться нечего и некого, что Бога нет и что теперь ничто ему не помешает жить вполне в свое удовольствие, не только отпали все его удовольствия, но из всех удо-

вольствий сделались мучения. Страх убийства, отравления, обмана, самых страшных преступлений в своей семье и между своими домочадцами не оставлял его. Он подозревал всякого человека во всех самых ужасных замыслах, и боялся, и ненавидел всякого человека, и жену, и сына, и дочь, и всех людей. Даже маленькие внуки его, которых он прежде любил, теперь казались ему злыми зверками. Ему казалось, что они так же ненавидят его, как он ненавидел людей. Чтобы спасаться от своего страха, он делал не переставая два дела: первое, принимал меры осторожности против всех людей; второе, внушал людям, что есть Бог, суд Божий. Он считал, что его спасение в том, чтобы уверить людей в том, во что он сам не верил. Состояние его, которое всё увеличивалось, уже не радовало, но пугало его. Семейные были его враги. Простых радостей – еды, питья, сна, и тех у него не было. Он во всем подозревал злые против себя замыслы.

Так прожил несчастный Трофим еще более десяти лет. Странности его были всем видны, но страданий его никто не видал. А страдания его были велики. Страдания его были, главное, в том, что жизнь его – он чувствовал – была испорчена страхом, который обуял его, а поправить ее он никак не мог, никак не мог освободиться от страха, а между тем то, чего он боялся, надвигалось всё ближе и ближе.

Так промаялся Трофим 12 лет, и один раз, придя от обедни и позавтракав у себя в комнате и выпив вина, запертого у него в шкапу, он лег спать и больше не проснулся. Смерть

Трофима была внезапная и легкая.

Богатый гроб Трофима повезли на кладбище Александро-Невской Лавры. За гробом шла толпа знакомых, ездивших на богатые обеды и ужины богача-золотопромышленника. Один проповедник, славившийся тогда в Петербурге даром красноречия, произнес надгробное слово и много говорил о добродетели, благочестии и счастливой жизни усопшего. Никто, кроме Бога, не знал о преступлении Трофима, ни о том, какое наказание постигло его с той минуты, как он потерял в себе Бога.

–

Комментарии Н. К. Гудзия[1]

ОКОНЧАНИЕ МАЛОРОССИИСКОЙ ЛЕГЕНДЫ «СОРОК ЛЕТ».

В 1840 г. Н. И. Костомаров написал по-украински легенду «Сорок лет». В 1876 г. он перевел ее на русский язык, и через пять лет она была напечатана: «Сорок лет (малорос-

---

[1] В комментариях приняты следующие условные сокращения:АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина (Москва);АЧ – Архив В. Г. Черткова (Москва);Б, I; Б, II; Б, III; Б, IV – П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», Государственное издательство: I – М. 1923; II – М. 1923; III – М. 1922; IV – М. 1923;БИР. 1913 —«Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого» тт. I – XX. Под ред. и с примеч. П. И. Бирюкова, изд. Сытина. М. 1913;БЛ – Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина (Москва);ГЛМ – Государственный литературный музей (Москва);ГТМ – Государственный толстовский музей (Москва);ИРЛИ – Институт русской литературы (Ленинград);ЛПБ – Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград);ПЖ – «Письма графа Л. Н. Толстого к жене 1862—1910» Изд. 2 М. 1915;ПС – «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым» изд. Общества толстовского музея. СПБ 1914;ПТ – «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». изд. Общества толстовского музея. СПБ 1911;ПТС 1; ПТС 2 «Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко» изд. «Книга» 1 – М. 1910, 2 – М. 1911;ПТСО – «Новый сборник писем Л. Н. Толстого, собранных П. А. Сергеенко, под ред. А. Е. Грузинского, изд. «ОКТО». М. 1912;ТЕ, 1911, 1912, 1913 – «Толстовский ежегодник» 1911 г., 1912 г., 1913 г.;ТТ 1; ТТ 2; ТТ 3; ТТ 4 – «Толстой и о Толстом. Новые материалы». Сборники:1 – М. 1924,2 – М. 1926, 3 – М. 1927, 4 – М. 1928.–

сийская легенда) Н. Костомарова», изд. редакции «Газеты А. Гатцука», М., 1881, стр. 93.

Содержание этой легенды таково.

У богатого крестьянина Шпака была единственная дочь Васса, восемнадцатилетняя красивая девушка. Она держалась вдали от сельской молодежи, не участвовала в ее развлечениях и считалась гордою и неприступною. Работником у Шпака служил Трофим Яшник. Он был круглый сирота, бедняк, но красавец из себя. Его полюбила Васса и первая призналась ему в этом. Трофим предался ей всей душой; они украдкой видались друг с другом, и Васса надеялась, что отец из любви к ней позволит ей выйти замуж за Трофима, но сама не решалась об этом заговорить. Между тем вскоре к Шпаку пришел его односельчанин Павло Дрижак сватать Вассу за своего сына. Шпак предоставил самой дочери принять это предложение или отказаться от него. Васса отвергает сватовство и тут же просит отца выдать ее замуж за Трофима. Приняв сначала просьбу дочери за шутку, отец, в конце концов, соглашается выдать ее замуж за Трофима, не раньше однако, чем тот наживет себе кафтан из синего панского сукна да приедет к нему со сватами на своем собственном возу и на собственной лошади; Трофим, изгнанный хозяином из дому и приведенный в отчаяние, решает утопиться. Но его во-время останавливает садовник из барского имения Придыбалка, о котором ходят слухи, что он бес в человеческом образе. Придыбалка советует Трофи-

му убить купца, возвращающегося в эту ночь лесом из села с деньгами и запасами сукна. Награбленное добро обогатит Трофима, он исполнит требование Шпака и получит руку Вассы, а свое неожиданное обогащение объяснит тем, что получил деньги взаймы от Придыбалки. После некоторого колебания Трофим принимает совет Придыбалки, убивает купца и его батрака и берет у убитого часть его денег – около восьми тысяч рублей – и один тюк сукна. Так как следственные власти нашли у убитого оставшуюся часть денег и много товара, то решено было, что купец с батраком погибли от собственной неосторожности.

В ожидании, пока будет сшита одежда, Трофим отправляется к Вассе и открывает ей свое преступление. Потрясенная рассказом Васса советует Трофиму отправиться в полночь на могилу убитых им людей: там ему должно привидеться такое, что он узнает, как его бог покарает, скоро ли это будет, и как ему нужно спасаться от кары. Трофим сделал как сказала ему Васса. У могилы он слышит голос, обещающий ему кару через сорок лет. В ужасе Трофим убегает назад и встречается с Придыбалкой, который обстоятельными рассуждениями старается убедить его в том, что у человека нет души, не существует загробной жизни и, значит, возмездия за грехи, нет никакого бога, греха, бога выдумали попы. Для человека, зверя, растения – один закон: закон борьбы за земное благополучие.

Трофим женится на Вассе, получает вместе с женой от

барина отпускную и, по совету Придыбалки, переселяется в город и становится купцом. Научив Трофима грамоте и дав ему в последний раз ряд советов житейской мудрости, Придыбалка прощается с ним, сказав, что они расстаются навсегда. Вначале Трофим с Вассой решают молитвой, постом и благотворительностью замолить грех, но по мере того как Трофим богател, это намерение забывалось. Трофим – теперь уж Трофим Семенович Яшников – постепенно становится миллионером, первым богачем в губернском городе. Он задает обильные обеды и блестящие вечера, кое-что уделяя на благотворительность; перед ним лебезят превосходительные сановники, и он уже помышляет о переезде в Петербург, но тут внезапно умирает его жена Васса, от которой у Трофима Семеновича были сын и дочь. Смерть жены сильно опечалила Трофима, у него не стало нравственной поддержки, мучения совести стали острее, и он впервые решил открыть свой грех архиерею. Архиерей отпустил ему грех под условием, что он построит церковь. Церковь была построена, Трофим успокоился, женился вторично на дочери помещика, переселился в Петербург и стал золотопромышленником. Богатство и роскошь его жизни всё росли, он получил потомственное дворянство и стал владельцем того самого имения, в котором совершил преступление. Пребывание в этом имении живо напомнило Трофиму Семеновичу его преступление, совесть его вновь сильно заговорила, и на обратном пути из имения он заехал в расположенный

по дороге монастырь, где побывал у прославленного схимника и рассказал ему о своем преступлении, за которое он не понес до сих пор никакого наказания. Схимник разъяснил, что удача во всем и благополучие и есть наказание грешника. Единственное средство искупить грех – раздать всё свое богатство людям, а самому остаться без гроша. Но Трофим Семенович не в силах пожертвовать богатством и старается убедить себя, что он и не должен этого делать. Вернувшись в Петербург, он выдал замуж свою дочь за князя и женил сына, служившего по дипломатической части, оделив обоих большими деньгами.

Между тем приближался роковой сороковой год со дня совершения преступления. Трофим Семенович ждал разных кар, которые должны были на него обрушиться ровно через сорок лет, и всё навязчивее становились пугавшие его призраки. Незадолго до предсказанного срока он намекнул сыну на тяготившее его преступление, и в ответ на это сын стал убеждать отца в духе Придыбалки в неосновательности его страхов.

Наступил и самый день, в который должно было исполниться предсказание. Вечером Трофим Семенович, по приглашению сына, поехал к знакомым помещикам в Царское село, где встретил человека, как две капли воды похожего на Придыбалку. Встреча с этим человеком и разыгравшаяся гроза сильно напугали Трофима Семеновича. Он поминутно ждал, что его убьет гром, но всё обошлось благополуч-

но; зловещая ночь прошла, и Трофим Семенович перестал тревожиться и окончательно уверился в том, что посмертная жизнь и воздаяние за грехи – выдумка, вздор. На этом, как говорит автор, обрывается легенда, и дальше он сам, морализуя в духе схимника, досказывает судьбу героя легенды. Он жил теперь уже без всякой мысли об ожидающем его наказании, но после окончания сорокалетнего срока прожил недолго: однажды после веселого ужина он лег спать и больше не просыпался. Его богато похоронили, у гроба его проповедник сказал слово, в котором высоко превозносил его добродетели. В добавление к рассказу Костомаров от себя, из цензурных соображений, пытается убедить читателя в том, что мысль, господствующая в легенде, совершенно согласна с священным писанием.

6 августа 1885 г. Е. Ф. Юнге от имени вдовы Н. И. Костомарова А. Л. Костомаровой обратилась к Толстому с просьбой печатно разъяснить смысл костомаровской легенды. «Эту вещь – писала она – почти никто не понимает, я от очень неглупых и развитых людей слышала, что это проповедь атеизма, что это безнравственная вещь, что Костомаров хотел этим сказать: «делай зло и наслаждайся, ибо никакого бога нет» и что из этого рассказа видно, что сам Костомаров атеист, что он несколькими изречениями из писания только прикрывается ради цензуры. Меня такие мнения ужасно возмущали, и я после таких споров всегда думала, как бы хорошо было, если б кто-нибудь объяснил им смысл этой чуд-

ной легенды, и в глубине своей души думала о Вас. Сделайте это, голубчик Лев Николаевич, это будет так хорошо» (АТБ).

Среди рукописей и материалов Толстого, хранящихся ныне в Государственном Толстовском музее, сохранилось два экземпляра костомаровской легенды в издании Гатцука с собственноручными исправлениями Толстого. Вероятно, оба они или один из них посланы были Толстому Е. Ф. Юнге.

Толстой, видимо, ничего не ответил на письмо, так как 9 сентября 1885 г. Е. Ф. Юнге пишет ему, что она огорчена неполучением от него ответа, и вновь просит Толстого написать статью, разъясняющую «Сорок лет», и напечатать ее в проектируемом сборнике памяти Костомарова (Костомаров умер 7 апреля 1885 г.). И на это письмо Толстой, очевидно, также не ответил. Но 16 или 17 января 1886 г. он писал В. Г. Черткову: «Получил я тоже сказку, малороссийскую легенду Костомарова «Сорок лет». Я вспомнил ее. Это превосходная вещь. Я ее буду читать еще. А вы постарайтесь достать, называется «Сорок лет», и прочтите».[2] Через несколько дней, 23 января того же года, Толстой ему же пишет: «Посылаю вам легенду Костомарова «Сорок лет». Это превосходнейшее сочинение. Я хотел и начал исправить язык и кое-что, но потом раздумал делать это теперь. Легенда сама по себе очень опасна для цензуры, и потому надо постараться пропустить ее в том виде, в каком она есть. Поправки могут сделаться поводом придирок. Потом же, когда она пройдет в Сытин-

---

[2] Том 85 настоящего издания, стр. 308.

ском издании, можно и должно, и мне очень хочется, немного, как мне надеется, улучшить ее. Нынче же пишу в Киев к знакомой вдовы Костомаровой, прося разрешения печатать эту легенду. Вы с своей стороны сделайте демарши к Костомаровой для получения разрешения. На меня эта история производит ужасающее впечатление. И мне кажется, что такое же она должна производить на всякого простого русского человека. Только бы цензура пропустила. Употребите все усилия».[3]

Знакомая вдовы Костомаровой, о которой говорит Толстой, – Е. Ф. Юнге, троюродная сестра Толстого. Намереваясь перепечатать книжку Костомарова в издательстве «Посредник», он в тот же день писал ей: «А у меня дело к вам: «Сорок лет» Костомарова. Кому принадлежит право издания? Если вдове, не будете ли добры спросить у нее, даст ли она разрешение печатать эту прелестнейшую вещь в дешевом издании для народа? И если даст, то даром или за плату? И какую?» (ГТМ).

На это письмо Е. Ф. Юнге ответила лишь 22 июня 1886 г. Она сообщила об отказе Костомаровой удовлетворить просьбу Толстого. Отказ свой, как пишет Юнге, Костомарова мотивировала тем, что цензура едва пропустила легенду в «Газете Гатцука», и то только с тем, чтобы Костомаров разъяснил нравственный ее смысл, который мог казаться для непонимающих проповедью материализма. Теперь же, по ее

---

[3] Том 85 настоящего издания, стр. 317.

словам, цензура еще строже, чем тогда, и если теперь будет запрещено издание легенды для народа, то ее уже нельзя будет напечатать в подготовляемом общем собрании сочинений Костомарова (АТБ).

Между тем еще до получения ответа от Е. Ф. Юнге началась работа по приспособлению костомаровской легенды к народному изданию. Ею очень заинтересовывается В. Г. Чертков, принимавший тогда ближайшее участие в издательстве «Посредник». 8 апреля 1886 г. он писал М. Л. Толстой: «Прилагаемая книжка «40 лет» очень понравилась Льву Николаевичу и произвела на него сильное впечатление… Мне она очень понравилась; но мне показалось, что желательно было бы ярче выставить весь ужас положения убийцы, к концу жизни потерявшего всякое сознание бога-правды… Я взял его [рассказ] сюда с целью выпустить некоторые места, совершенно нецензурные в настоящее время… Поправки слога, в особенности в первой половине, сделаны преимущественно Львом Николаевичем. Мне кажется, что необходимо, чтобы он еще раз внимательно просмотрел рассказ и ввел бы такие штрихи, на которые один он способен, как художник, для того чтобы определеннее обнаружить внутреннее состояние Яшникова… И это тем необходимее, что мы опускаем всё, что говорится о предстоящей ему каре в будущей жизни» (ГТМ—АЧ). В заключение письма Чертков предлагает М. Л. Толстой переписать легенду, переработав литературный слог на простой народный, с тем чтобы на

долю Толстого осталась только чисто художественная работа по углублению психологии главного действующего лица в заключительной главе.

Очевидно, в связи с этим письмом, а также с письмом Н. Л. Озмидова, принимавшего деятельное участие в переработке костомаровской легенды для народного издания (это письмо нам неизвестно) Толстой писал Черткову 15—16 апреля 1886 г.: «40 лет вы очень хорошо придумали. Постараюсь сделать, что нужно. Я знаю про это из письма Озмидова, но его еще не видал».[4] В архиве Черткова, хранящемся в Государственном Толстовском музее, папка 15, имеется рукопись на 60 листах в 4°(4 чистые), сплошь исписанная с обеих сторон рукой Н. Л. Озмидова и заключающая в себе несистематически проведенные исправления рукой Толстого. Эта рукопись на первом листе имеет заглавие: «Сорок лет. Малороссийское сказание. Переделано с изложения Н. Костомарова». Там же неизвестной рукой карандашом написано: «Черновая 1-е». Текст поделен на десять глав. Перед текстом десятой главы – два листа чистые. На первом из этих чистых листов карандашом рукой Озмидова написано: «Следующее переделать просить Черткова (см. через 4 страницы)». Текст рукописи представляет незавершенную переделку костомаровской легенды, сделанную единолично Озмидовым. Как указывает приведенная помета перед десятой главой, часть работы, не сделанная Озмидовым, должна

[4] Том 85 настоящего издания, стр. 343.

была быть сделана В. Г. Чертковым.

Видимо, частью еще до работы Озмидова, частью после нее над переделкой легенды Костомарова работали Толстой и Чертков. В том же архиве Черткова, в той же папке № 15, хранятся два экземпляра книжки «Сорок лет» в издании «Газеты А. Гатцука». В первом экземпляре имеются исправления рукой Толстого и Черткова, однако несистематически проведенные. Во втором экземпляре исправления сделаны также Толстым и Чертковым и проведены через весь текст книжки. Исправленное в первом экземпляре Толстым перенесено Чертковым во второй экземпляр и тут же сделаны новые исправления, независимо от тех, какие сделаны Толстым. На страницах 7, 9, 73 отметки на полях рукой Черткова: «По Озмидову», на странице 41 – пометка рукой Толстого: «По тетради Озмидова».

Таким образом работа над костомаровским текстом велась коллективно – Толстым, Чертковым и Озмидовым. Она сводилась к упрощению языка легенды и к сокращению ее текста. Книжный, литературный язык заменялся языком близким к народной речи. Особенно последовательно это стремление проводилось в переделках Толстого и Черткова. Переделка Озмидова была совершенно независима от работы в этом направлении Толстого и Черткова. Во втором экземпляре книжки Костомарова рукой Толстого на отдельном листе почтового формата сделана довольно большая вставка, заменившая зачеркнутый костомаровский текст, в кото-

ром идет речь о переживаниях Трофима на могиле убитых им купца и батрака. Приводим текст этой вставки целиком:

и сѣлъ у могилы. И только что сѣлъ, вспомнилъ онъ все, что было: вспомнилъ онъ лицо купца, когда онъ вскрикнулъ и когда треснула его голова, и онъ упалъ навзничь. Вспомнилъ онъ и работника, какъ онъ лежалъ на животѣ съ откинутой рукой. Вспомнилъ онъ про то, что были у нихъ матери, жены, дѣти, и такой страхъ на него нашелъ, что хотѣлъ онъ вскочить и бѣжать, да потомъ подумалъ: «куда убѣгу отъ Бога?» И остался на мѣстѣ.

Сидѣлъ онъ долго, половину ночи, все слушалъ и смотрѣлъ и ничего не слыхалъ, кромѣ шелеста вѣтра въ макушкахъ, да ничего не видалъ, кромѣ темноты и креста на новой могилѣ. Сидѣлъ онъ и думалъ и хотѣлъ забыть то, что сдѣлалъ, и повѣрить тому, что говорилъ Придыбалка, и не могъ. Сидѣлъ онъ и ждалъ кары Божьей. Въ серединѣ ночи прислонился онъ на руку и сталъ задремывать; вдругъ точно голосъ чей то разбудилъ его. Онъ очнулся, сталъ прислушиваться, и точно два голоса заговорили изъ земли:

– Господи, Господи! побій того злочинця, що насъ побівъ, – сказалъ одинъ голосъ.

И другой голосъ сказалъ:

– Господи, Господи! побій того злочинця, що насъ побівъ.

«Неужели правда», подумалъ Трофимъ. И не успѣлъ подумать, какъ откуда то издалека услыхалъ онъ, какъ громъ, дальній голосъ:

– Побью, не теперь, а у сорокъ літъ.

Испугался Трофимъ и

Работа Толстого и его сотрудников над переделкой протекала, видимо, в январе – апреле 1886 г. Вероятно, в апреле или в мае этого же года Толстой написал и свое окончание костомаровской легенды, идя навстречу просьбе Черткова, выраженной им в письме к М. Л. Толстой от 8 апреля, и в согласии с его представлением о том, как должен был жить последние годы своей жизни Трофим Семенович. Тогда как в легенде Костомарова после несбывшегося предсказания он живет спокойно, ничего уже не боясь, в толстовском окончании Трофим Семенович после этого становится подозрительным, недоверчивым к людям и непрерывно мучается от этого, и в этом как бы заключается его кара за преступление.

Автограф окончания легенды «Сорок лет», написанный Толстым почти без поправок и помарок, хранится в Государственном Толстовском музее (№ 75). Он занимает 5 листов в 4°, из которых 4 исписаны с обеих сторон и 1 – с одной стороны. *Начало:* «Въ эту же первую ночъ». *Конец:* «какъ онъ потерялъ Бога». Текст его в основном совпадает с текстом, напечатанным в журнале «Образование» (см. ниже), разнясь от него лишь в нескольких второстепенных деталях.

Отказ Костомаровой разрешить переиздание легенды, а также общие цензурные условия того времени помешали в ту пору появлению в свет переработки книжки Костомарова. Однако Толстой и тогда не оставлял мысли издать для наро-

да «Сорок лет». В письме к Черткову, от 29 [?] марта 1888 г. он рекомендовал ему издать в Лейпциге на четырех языках– русском, французском, немецком и английском – всё, что имеется у него из непропускаемого цензурой, в том числе и легенду Костомарова (ГТМ—АЧ). Но этот проект осуществлен не был.

Через десять лет после этого, 2 февраля 1898 г., В. Е. Якушин обратился к Толстому с просьбой дать что-либо из своих произведений в подготовляемый Пензенской общественной библиотекой сборник памяти Белинского, в связи с исполнившейся пятидесятилетней годовщиной со дня смерти критика. Доход от продажи этого сборника предназначался на учреждение какого-либо просветительного учреждения имени Белинского. «Ради имени, которому посвящен сборник, ради цели, с какой он издается, – писал Якушкин, – Вы не откажете, как мы надеемся, в изложенной просьбе» (АТБ).

Толстой исполнил просьбу и дал в сборник свое окончание легенды Костомарова, напечатанное под заглавием: «Окончание малороссийской легенды «Сорок лет», изданной Костомаровым в 1881 г.» («Памяти В. Г. Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов». Издание Пензенской общественной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова М. 1899, стр. 559—563. Цензурное разрешение сборника 5 марта 1899 г.). Тексту Толстого, заключающему в себе здесь ряд стилистических вариантов

сравнительно с текстом автографа, предшествует очень краткое изложение легенды Костомарова, неизвестно кем написанное.

В связи с напечатанием окончания легенды А. Е. Грузинский, один из редакторов сборника, писал Толстому 30 марта 1899 г.: «Ваше «Окончание легенды» в сборнике Белинского едва-едва могло быть помещено, так как оказалось, что его необходимым сочли послать на цензуру в главное управление по делам печати, где задержали очень долго, не изменив, впрочем, ничего» (АТБ).

6 декабря 1901 г. П. А. Буланже сообщил Толстому о печатании легенды «Сорок лет» в журнале «The New Age», начиная с 5 декабря этого года. «Очень жаль, – добавляет он, – что об этом было неизвестно раньше; можно было бы устроить одновременное появление и здесь в каком-нибудь журнале» (АТБ). 3 января 1902 г. Буланже обратился к Толстому с следующим письмом: «Я уже писал Вам, что «40 лет» печатается в «The New Age». Так как о Вас ничего нельзя писать, то я был заинтересован, чтобы печатать Ваше здесь и таким путем прорвать запрещение говорить. Здесь есть очень чистый журнал «Образование», и я посоветовал им напечатать у себя «40 лет», как перевод с английского. Но Острогорский, в высшей степени деликатный человек (он меня этим очень тронул), сказал, что по отношению Вас он не может допустить такой неделикатности. Другое дело, если бы он знал, что Вы ничего не имеете против помещения «40 лет» в его

журнале. Тогда он был бы очень счастлив и напечатал. Пожалуйста, Лев Николаевич, если можете, напишите ему два слова об этом» (АТБ).

Толстой исполнил просьбу Буланже и 7 января 1902 г. из Гаспры написал редактору «Образования» А. Я. Острогорскому: «Александр Яковлевич, легенда «40 лет» принадлежит не мне, а Костомарову. Мною приделан был конец, который я считал более подходящим для народного чтения. Я ничего не имею против напечатания того, что в этой легенде написано мною» (публикуется по копии).

Сокращенная и переделанная легенда Костомарова вместе с окончанием ее, написанным Толстым и составляющим ее XIV главу, была напечатана в № 2 «Образования» за 1902 г. под заглавием «Сорок лет (малороссийская легенда)», цензурное разрешение книжки 21 февраля 1902 г. (стр. 1—43). В редакционном примечании сказано, что легенда, печатаемая с разрешения А. Л. Костомаровой, принадлежит перу Костомарова и что Толстой, значительно сократив ее,[5] написал к ней другой конец (XIV главу). Однако произведение в его целом подписано одним лишь именем Толстого.

Еще до выхода в свет февральской книжки «Образования» в газетах было объявлено о том, что в ней „будет напечатан рассказ гр. Л. Н. Толстого «Сорок лет»“. (См. «Русские ведомости», 1902, № 34 от 3 февраля и 55 от 24 февраля и

---

[5] Указание, как видно из предыдущего, неточное: в сокращении и переработке легенды участвовали, кроме Толстого, еще В. Г. Чертков и Н. Л. Озмидов.

«Биржевые ведомости», 1902, № 47 от 17 февраля). Вскоре же после напечатания этого объявления в печати появились возражения против того, что «Сорок лет» как бы всецело приписаны Толстому, и авторство Костомарова заслонено. (Заметка И. И. Ясинского в «Биржевых ведомостях», 1902, № 54 от 24 февраля, статья Н. К. Михайловского «О том, как г. Острогорский превратил рассказ Костомарова в рассказ Л. Н. Толстого» – «Русское богатство», 1902, 3, стр. 51—53, заметка В. Б-ша «Малороссийская легенда в обработке Н. И. Костомарова и гр. Л. Н. Толстого» – «Киевская старина», 1902, 4, стр. 1—4; в ближайших номерах «Киевской старины», 5-м и 6-м, был перепечатан полностью с издания «Газеты А. Гатцука» текст легенды Костомарова и окончание ее, написанное Толстым, по тексту «Образования»).

Очевидно, в связи с заметкой Ясинского Толстой писал 28 февраля 1902 г. Буланже: «Нынче видел объявление «Образования», и очень не хорошо. Выходит, что я присвоил себе произведение Костомарова, а редакция совершенно права, тогда как надо было напечатать, что это произведение Костомарова с приделанным к нему Л. Н. Толстым заключением. Для этого же им надо прежде всего получить разрешение наследников Костомарова, а еще тогда вдова Костомарова не желала дать этого разрешения. Пожалуйста, так и внушите им и напечатайте опровержение их объявлению» (АТБ). Вслед за этим С. Л. Толстой по поручению Льва Николаевича напечатал в № 63 «Русских ведомостей» от 5 марта

1902 г. следующее письмо в редакцию: «Отец мой Лев Николаевич Толстой поручил мне просить вас поместить в вашей газете следующее. В объявлениях о выходе февральской книжки «Образования» сообщается, что в этой книжке будет помещен рассказ Л. Н. Толстого «Сорок лет». Между тем этот рассказ написан Н. И. Костомаровым, и Лев Николаевич только написал к нему заключение».

Еще до этого письма Острогорский в письме в редакцию «Русских ведомостей» (1902 г. № 59 от 1 марта) оправдался в тех обвинениях, которые высказаны были в печати по его адресу в связи с напечатанием легенды. Здесь же, между прочим, он заявил о том, что ему неизвестен был факт напечатания толстовского окончания легенды в сборнике «Памяти В. Г. Белинского».

В общем оглавлении журнала «Образование» за 1902 г., напечатанном в декабрьской книжке, авторами легенды «Сорок лет» названы Костомаров и Толстой.

Толстой, как это видно из писем его к Буланже от 2 и 6 марта и 16 апреля 1902 г., принял близко к сердцу огорчения Острогорского, причиненные ему газетной и журнальной полемикой. В письме к Буланже от 6 марта он между прочим писал: «Выноска в «Образовании» совершенно удовлетворительна, только напрасно они публиковали о повести Толстого» (АТБ).

Впервые в собрании сочинений Толстого его окончание легенды вместе с кратким пересказом Костомаровского тек-

ста, неизвестно кому принадлежащим, напечатано в 1911 г. (издание двенадцатое, М. 1911, часть двенадцатая) по тексту «Образования». По тому же тексту оно напечатано вместе с тем же пересказом в 1912 г. в издательстве «Посредник» под заглавием «Смерть Трофима Семеновича».

Тексты окончания легенды, напечатанные в сборнике памяти В. Г. Белинского и в журнале «Образование», разнятся друг от друга. В то время как текст «Образования» почти совпадает с автографом, текст сборника «Памяти В. Г. Белинского» по сравнению с автографом заключает в себе ряд стилистических вариантов. До нас не дошли ни копии окончания с поправками Толстого, ни наборные экземпляры печатных текстов, ни их корректуры, но наличие указанных стилистических вариантов, настолько существенных, что их нельзя объяснить произволом переписчика, само по себе говорит уже за то, что текст сборника «Памяти В. Г. Белинского» является хронологически более поздним, чем текст «Образования», так как в литературной практике Толстого не наблюдается случаев замены вторичных редакций первичными. Далее – во время печатания легенды «Сорок лет» в «Образовании» Толстой только что перенес тяжелую болезнь и жил в Гаспре. Ему было не до работы над редактированием своей старой рукописи, да и очевидно ни ее, ни ее копии у него не было под руками. Вернее всего редактору «Образования» Острогорскому текст легенды вместе с толстовским окончанием был передан П. А. Буланже, который раздобыл

старый список того и другого, не авторизованный окончательно Толстым. В архиве В. Г. Черткова хранятся две совпадающие по тексту копии текста окончания легенды, написанного Толстым (папка 15). Одна из этих копий написана рукой Ф. Э. Спенглер, другая рукой неизвестного (обе без авторских поправок). Текст их очень близок к тексту «Образования», и нужно думать, в «Образование» был передан вместе с рукописью переделанной костомаровской легенды и текст толстовского окончания в редакции, сходной с редакцией указанных копий. При наличии указанных обстоятельств, достаточных для того, чтобы текст сборника «Памяти В. Г. Белинского» считать последней редакцией окончания, в пользу этого говорит и то, что в общем его разночтения сравнительно с текстом «Образования» объективно должны быть признаны качественно более совершенными.

Приведем наиболее существенные из таких разночтений.[6]

После слов: «только воспоминание отравляло», стр. 114, строка 14, в тексте «Образования» отсутствует логически правомерная фраза: «теперь же будет еще лучше, совсем хорошо», восходящая к фразе автографа: «теперь не будет и будет еще лучше, совсем хорошо».

Во фразе «Он остановился и привстал в ужасе на постели», стр. 114, строка 29, в тексте «Образования», как и в автографе, отсутствуют слова «в ужасе», также очень согласу-

---

[6] Не приводим всех разночтений на том основании, что текст «Образования» не считаем окончательно авторизованным.

ющиеся с контекстом.

Во фразе: «Одно было спасение: не показывать людям того, что он знает, что нет бога и суда, а напротив, внушать им, что есть бог, что есть суд», стр. 116, строки 35—37, в тексте «Образования» вместо: «что есть бог, что есть суд» напечатано, как и в автографе: «это всеми силами». Очевидно, что второе чтение менее удачно, так как оно двусмысленно: если его толковать буквально, то смысл фразы таков, что Трофим Семенович старался внушать людям, что нет бога и суда, т. е. как-раз обратный тому, какой вкладывается в эту фразу автором.

Так же двусмысленна фраза текста «Образования» и автографа: «Другое дело его было то, чтобы обманывать людей и внушать им то, что есть бог, есть добродетель, есть суд божий», заменившая собой фразу в тексте сборника «Памяти В. Г. Белинского»: «второе, внушал людям, что есть бог, суд божий», стр. 117, строки 21—22. Двусмысленность первой фразы в том, что она может быть понята так, что сам автор, а не Трофим Семенович считал обманом утверждение существования бога и т. д.

Вместо фразы, читаемой в тексте сборника «Памяти В. Г. Белинского»: «Страдания его были, главное, в том, что жизнь его – он чувствовал – была испорчена страхом, который обуял его, а исправить ее он никак не мог, никак не мог освободиться от страха, а между тем то, чего он боялся, надвигалось всё ближе и ближе», стр. 117, строки 30—34, в

тексте «Образования» и автографа читаем: «особенно были велики его страдания тем, что он не мог ждать от них облегчения и в смерти. Он мучился, страдал сам, не зная зачем, и всё-таки боялся смерти, потому что знал, что после смерти ничего не будет, окончится его жизнь навсегда, и поправить эту жизнь он не мог ни в жизни ни в смерти». Очевидно, что первая фраза по своему смыслу логичнее связана со всем контекстом рассказа, чем вторая.

Наконец, отметим чисто стилистические варианты текста сборника «Памяти В. Г. Белинского» сравнительно с текстом «Образования», свидетельствующие о том, что в первом тексте была проделана работа по исправлению и улучшению неудачных или сомнительных стилистических оборотов.

«Я боролся – убил купца; мне нужна была его смерть, и я взял его жизнь», стр. 114, строки 26—27, вместо: «Я боролся; мне нужна была их смерть, и я взял их жизнь».

«и он был бы хозяином»; стр. 115, строки 2—3, вместо: «и он бы был хозяин».

«на дне было что-то белое», стр. 115, строка 19, вместо: «на дне было белое».

«сказал он и вылил воду; затем пошел к рукомойнику и выпил воды оттуда», стр. 115, строки 20—21, вместо: «сказал он и вылил воду и пошел к рукомойнику и выпил воды оттуда».

«и проспал так долго», стр. 116, строка 4, вместо: «и про-

спал так поздно».

«не пропускал ни одной службы, постился все посты, середы и пятницы», стр. 116, строка 40 – стр. 117, строка 1 вместо: «не пропускал ни одного поста, ни среды, ни пятницы, не пропускал ни одной службы».

«и ненавидел всякого человека, и жену, и сына, и дочь, и всех людей», стр. 117, строки 15—16, вместо: «и ненавидел всякого человека, и жену, и сына, и дочь, и всех существующих».

«принимал меры осторожности против всех людей», стр. 117, строки 20—21, вместо: «принимал меры осторожности от всех людей».

«Странности его были всем видны, но страданий его никто не видал», стр. 117, строки 28—29, вместо: «Другим, со стороны, были видны его странности, но никто не видал его страданий».

Обратных примеров, т. е. таких, в которых стиль текста «Образования» был бы исправнее стиля текста сборника «Памяти В. Г. Белинского», нет.

Показателен и следующий пример. В тексте сборника «Памяти В. Г. Белинского» читаем: «Смерть Трофима была внезапная и легкая»; в тексте «Образования» и в автографе – «Смерть внезапная и, конечно, легкая». Последняя фраза буквально так же читается и в тексте Костомарова. Нельзя думать, чтобы Толстой вернулся к фразе своего оригинала, которую он однажды уже переработал.

В заключение отметим такие из наиболее существенных вариантов обоих текстов, которые в вопросе о старшинстве текстов не показательны.

После слов «затушил свечу», стр. 116, строка 4, в тексте «Образования», как и в автографе, стоит: «и лег спать. Заснул он утром».

После слова «первое», стр. 117, строка 20, там же читается: «скрывал всё от всех, всех обманывал, хоронил концы».

После слов: «против всех людей», стр. 117, строка 21, там же читается: «Тогда как никто не думал ничего замышлять против него».

Вместо слов: «толпа знакомых», стр. 117, строка 40, там же стоит: «толпа дармоедов».

Кроме того, в тексте «Образования» к слову «Трофим» всюду прибавляется его отчество – «Семенович». Эта прибавка сделана, повидимому, редактором всей легенды на том основании, что в костомаровском тексте и в его переработке, в главе VII, сказано, что с тех пор как Трофим разбогател и перебрался в губернский город, он стал уже не Трофим, а Трофим Семенович Яшников, и дальше в переработке, как и у Костомарова, он уже всюду называется по имени и отчеству.

По всем приведенным выше соображениям в настоящем издании „Окончание малороссийской легенды «Сорок лет»“ печатается по тексту сборника «Памяти В. Г. Белинского», как окончательному. Оттуда же берется и заглавие произве-

дения, без уверенности однако в том, что он принадлежит самому Толстому. Переработка костомаровской легенды не печатается, во-первых, потому, что эта переработка является коллективным трудом Толстого, Черткова и Озмидова, и доля работы Толстого не может быть с точностью определена, во-вторых, потому, что, за исключением окончания, вся работа над легендой свелась преимущественно к ее сокращению и упрощению языка и таким образом по существу не была творческой.

–

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В состав настоящего тома входят художественные произведения, над которыми Толстой работал в период времени с 1884 по 1889 год. Одно из них, именно «Холстомер», законченное в 1885 году, было, впрочем, начато еще в 1863 году. Пять печатающихся здесь произведений Толстого представляют собой неотделанные и незаконченные им наброски, из которых четыре (драматическая обработка легенды об Аггее, «Жил в селе человек – звать его Николай»; «Миташа» и статья «Благо только для всех») были опубликованы после смерти Толстого, отрывок же «В некотором царстве, в некотором государстве жил был царь» публикуется впервые в настоящем издании. Помимо неопубликованных доселе вариантов отдельных эпизодов входящих в данный том произведений, здесь печатается целиком самая ранняя черновая редакция «Смерти Ивана Ильича». Сообщаются впервые также исправления, сделанные Толстым в печатном экземпляре «Власти тьмы».

Из статей, вошедших в данный том, впервые появляются в печати: «Благо только для всех», «О Гоголе», «К молодым людям» и ряд вариантов трактата «О жизни». Ряд значительных вариантов дается к статье «Николай Палкин».

Работу по составлению алфавитного указателя произвел В. С. Мишин.

П. В. Булычев

Л. П. Гроссман

Н. К. Гудзий

А. И. Никифоров

Б. М. Эйхенбаум

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, *печатавшихся при жизни* Л. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех тех случаях, где они употребляются Толстым, и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (брычка, цаловать).

При воспроизведении текстов, *не печатавшихся при жизни* Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые, а также и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «абревиатуры») типа «к^{ый}», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ] и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1 неразобр.*] или: *[2 неразобр.]* и т. д., где цыфры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся *не* в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: *«Абзац редактора»*.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

Фототипия портрета Толстого раб. И. Е. Репина – между XII и 1-й страницами.